

© Лондонская премия представляет писателя ©

Виктория Левина
ИНТЕРМЕЦЦО

Лондонская премия представляет писателя

Виктория Левина

Интермеццо (сборник)

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Левина В.

Интермеццо (сборник) / В. Левина — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-00153-147-0

Зачем, для чего, для кого пишется фэнтези? Ответить на этот вопрос невероятно сложно! Может, автору тесно писать и творить в рамках предсказуемой реальности или сама реальность подчас превосходит фантастику? Эта книга ведёт нас в мир успеха и сокрушительного провала, где рядом с дальними путешествиями и разборками с мафией автор вводит нас в мир размышлений о сути развития живой природы или заставляет задуматься о перспективах введения закона о личном оружии. В книге много личного, пережитого и прожитого. Роман «Удрать от Тёрнера», к примеру, вообще написан на автобиографическом материале. И лишь одна-две фантазийные гипотезы делают его романом-фэнтези. Идея, объединяющая все рассказы (произведения), представленные в этом сборнике, включая роман: за всё в мире приходится платить. И никому неведомо, что его ждёт за следующим поворотом...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-147-0

© Левина В., 2019

© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Интермеццо	7
В Забайкалье, Укурей	10
У кого покруче ствол	14
После Билла Гейтса	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Левина Виктория Интермеццо

© Виктория Левина, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Виктория Левина родилась в Читинской области. Окончила МГТУ им. Баумана. Автор четырёх романов и девяти поэтических сборников. Публиковалась в журналах Израиля, России, Германии, Болгарии и др. Кавалер ордена «Кирилл и Мефодий», медали им. Ивана Вазова (Болгария) и других международных наград. Лауреат нескольких международных конкурсов и фестивалей. С 1997 года живёт в Израиле, работала инженером в авиапромышленности.

Интермеццо

Всё очень просто. Любые имя, дату или номер телефона можно пропеть по нотам, то есть положить на музыку. Получится мелодия, где каждой букве или цифре будет соответствовать определённая нота. Получится музыка, которую не спутаешь ни с какой другой. Таким штучкам обучил её папа.

А папа научился им в одном засекреченном вузе, который обучал шпионской деятельности. Там были и другие полезные фокусы: скорочтение, фотопамять, ассоциативное мышление. Но папе больше всего нравилось пользоваться музыкальными шпаргалками.

Пропев про себя имя человека или дату его рождения, он уже никогда не забывал эту информацию, не пользовался записными книжками и не записывал туда номера телефонов.

Она обожала папку! Для этого способа запоминания, безусловно, требовались музыкальность и знание нотной грамоты. Но этим бог не обидел ни её, ни папку.

А сегодня ночью ей приснилась музыкальная фраза, которая долгие годы хранилась под запретом. Приснилась потому, что во сне нами не руководят ни наши желания, ни соображения безопасности. Мы теряем контроль над собой во сне, и вот тут-то и может случиться, что музыка возникнет в подсознании и начнёт звучать помимо воли. И откроет всё, что было скрыто неизвестностью, неведомые страницы имени и судьбы. Так всё и произошло. Даже во сне, когда тело расслаблено, она почувствовала спазмы в гортани и характерный металлический привкус во рту, который появлялся всегда перед обмороком.

– Нельзя! – она скомандовала себе и из последних сил попыталась стряхнуть с себя музыкальные коды.

Сон улетучился, но мелодия осталась. Как красная ниточка, свёрнутая в клубок, она мелькала перед полузакрытыми глазами и ждала, чтобы за неё потянули...

Утренний кофе как нельзя лучше прочищает мозги от всяких полуночных видений.

– Не буду! – твёрдо решила она, думая о мелодии, красном клубочке памяти, который звал, тормозил, просил потянуть за кончик.

С ощущением той любви она жила всю жизнь. Любовь никуда не девалась и не уходила. Любовь просто жила в ней в настоящем времени. Не в прошедшем и, боже сохрани, не в будущем! А здесь и сейчас. И звучала в её душе, как звучит музыка: между небом и землёй, между воспоминанием и реальностью, между «там» и «здесь».

Теперь было ясно, что та музыкальная фраза, которая засела в голове с ночи, имела явное продолжение.

– Ну потяни же меня за кончик ниточки, ну позволь мне размотать клубок! – Мелодия уже была требовательной и не принимала отказа. И на этот раз она согласилась, и музыка зазвучала.

Сначала появился типичный тбилисский дворик с нависшими над ним балконами, с чириканьем ребятни и гортанной переключкой соседок, развешивающих бельё.

Он был шустрым пацанёнком с огромными «библейскими» глазами в обрамлении пушистых ресниц. Ох и много же беды принесут эти глаза особам женского пола в обозримом будущем!

Родители в силу своей состоятельности и обеспеченности не очень вникали в его мальчишеские интересы и в школе, и во дворе. Лишь бы не доставлял хлопот. И звучали в мелодии невнятными басовыми, невыразительными нотками.

– Такой музыкальный тон очень подходит для интермеццо, – подумалось лениво. – Ни к чему не обязывает и создаёт впечатление семьи, крепко стоящей на ногах.

Внутри музыкальных кодов проскользнули лёгкой тенью и первый его поцелуй, и первый бокал «саперави», и первая близость: быстрая, бурная, неумелая.

Здесь музыка зазвучала особенно выразительно, предвещая будущую славу Казановы московских богемных вечеринок.

Но это случится позже, а сейчас на музыкальном полотне – огромные чёрные глаза харизматичного и уверенного в себе паренька, отправляющегося завоёвывать Москву. Артистические способности, хорошо подвешенный язык, масса обаяния немало способствовали этому.

Она сидит, слушая звуки и полуприкрыв глаза.

– Хватит, не хочу! – пытается сопротивляться вызванной из преисподней мелодии. – Больно, хватит!

Интермеццо набирает силу и звучит нестерпимо громко, как в тот новогодний вечер, когда она впервые увидела его глаза и утонула в них. Ряд подстроенных судьбой совпадений и несуразниц, избежать которые было не дано, по-видимому. Такое подсолнечное масло, пролитое на рельсы трамвая, то ли Аннушки, то ли барселонского Гауди...

От судьбы не уйти. Интермеццо уже звучит как симфония Бетховена, стучится в дверь, предвещает.

В дверь комнаты студенческого общежития стучали. И это не предвещало ничего хорошего. Московский Казанова вышел наружу, объясняться с каким-то членом студсовета, что-то плёл о любви с первого взгляда, получил ключи от комнаты до утра.

Далее музыка уже напоминает венские вальсы Штрауса: светла, легка, воздушна, полна любви и веры, что любовь вечна. Очень глупой веры, ни на чём не основанной.

Музыкальные коды зазвучали тревожно, в них появились намёки на Мендельсона, то ли свадебные, то ли похоронные.

В ту весну в украинских садах абрикосы и яблони цвели отчаянно и таким буйным цветом, что и не припомнить! Они оба: она и Казанова – стояли на коленях перед её родителями, прося благословения. Конечно, глупо. И иконка с трудом нашлась, и родителей разрывали сомнения, глядя на красивое лицо жениха их хромоножки.

– Красивый муж – чужой муж, – обронила мама.

Ах какая кода здесь прозвучала в интермеццо! Знатная кода!

А папа, растерянный, без ума любивший доченьку, всё смотрел в глаза жениху, всё твердил:

– Не обижай её! Я джигит, и ты джигит... – и сморкался в платок.

Было в этом интермеццо и место, где наступила абсолютная тишина. Все звуки умолкли. Только ритм отбивался частыми ударами сердца. Это когда она увидела любимого с другой. Он вскочил, козлоногий, голый, мерзкий. Фавн дрожащий. А случайная его нимфа тянула на себя одеяло и что-то лепетала невнятно.

Тогда-то и появился этот металлический привкус во рту. И отключилось сознание. А музыка потекла бестелесно, легко, уже не касаясь земли. Музыка небесных сфер. Музыка нежелающая жить.

Как она возвратилась тогда к повседневной жизни, было непонятно. Через какое-то время смогла ходить, говорить ещё долго не получалось. Спазм сковал гортань и душу.

А мелодия всё больше походила на Девятую симфонию Малера. Не жизнь и не смерть. Так, что-то посередине. Интермеццо.

Вьётся, вьётся красная ниточка из клубочка, играет музыка её памяти, поёт его имя и историю их любви.

Вот ария для двух баритонов.

– Уезжай! – баритон её отца звучит взволнованно и умоляюще. – Уезжай, зачем ты приехал? Она замужем, у неё двое детей. Оставь мою доченьку в покое! Ты джигит, и я джигит...

Баритон Казановы звучит как из погреба, глухо, настойчиво:

– Нам надо поговорить. Ты – моя женщина, я – твой мужчина.

И тут моё сопрано ставит все точки над «и»:

– Прости. Уезжай. Не смогу. У меня дети.

Он уходил как в кино: в метель, по обледеневшей дороге. Длинные полы пальто развевались на ветру. меховая шапка была надвинута глубоко, по самые глаза. Библейские глаза. Соло гобоя Фрэнсиса Пуленка.

Разматывается клубок воспоминаний. Недолго ещё звучать музыкальным кодам.

Вся картина понемногу уже выстроилась в голове. Москва – как один огромный рынок. Все пытаются выживать как могут. Идёт торговля алкоголем, временем, жизнями. Всё обесценилось. Правят такой Москвой бандиты.

Вчера приходили к другу, наставляли пистолет к виску. Жена друга очень испугалась. А младшей дочке друга приход бандитов долго ещё будет сниться в кошмарных снах. Друга и его семью не убили. Дали срок вернуть займы. Скоро придут к нему.

Всё это она видит так ясно, как будто бы смотрит кино. Всё, что было скрыто временем, теперь открывает ей музыка.

Красная нить разворачивается стремительно. То ли Дворжак, то ли Барток. Любопытно и страшно: что же будет дальше? А ничего больше не будет: ни весны, ни любви, ни жизни. Всё. Закончилась красная нить, размотала все тайны.

Фигура уставшей пожилой женщины на балконе застыла неподвижно, исчерпав до конца клубок воспоминаний.

Интермеццо ещё звучит, всхлипывая то там, то здесь – то плачем по её любви, то радостью избавления от этих бесконечных музыкальных кодов-наваждений.

Сейчас самое время позвонить подруге – той, которую когда-то пытали, в «бандитские» девяностые:

– А в каком году его не стало? Нет, погоди, не говори, это уже неважно. Главное я уже знаю.

В Забайкалье, Укурей

– Что это за название такое – Укурей? – смеётся мама.

Мама ещё молодая, кокетливая, симпатичная, голубоглазая.

И папа смотрит на неё восторженными, влюблёнными глазами и вторит, смеясь в ответ:

– Вот-вот, и я то же самое говорю: у всех людей как у людей, а у нас – У-ку-рей!

Мы все втроём сидим на нашем любимом диване, покрытом красным бархатом, в огромном зале нашего большого гостеприимного дома на Украине, и рассматриваем старые фотографии папиного и маминого места службы после войны: далёкого забайкальского военно-стратегического аэродрома.

Родители мои дорогие ещё полны сил, относительно молоды, здоровы и... живы. Я рядом с ними – счастлива их присутствием, любима и погружена в воспоминания об их деревянном домике в Забайкалье. Говорили, что в этом домике в Забайкалье отбывал ссылку русский писатель Чернышевский.

Папу как начальника аэродрома поселили там вместе с семьёй: мамой и моим сводным братом, на четырнадцать лет меня старше. Там я и родилась.

Брат мой был так счастлив в Забайкалье, как только может быть счастлив четырнадцатилетний подросток, сросшийся с велосипедом на забайкальских сопках либо с лыжами и коньками на вольных просторах военного округа, где в радиусе трёхсот километров он был единственным ребёнком в составе гарнизона.

– Знаешь, какая там красотища? – брат смотрит куда-то вглубь своих воспоминаний. – Сопки и Байкал, куда я летал на папкином самолёте, – лучшее, что довелось мне увидеть!

Родители, перебивая друг друга, взахлёб рассказывают мне снова и снова историю о том, что, когда я была нескольких месяцев от роду, условия выжить маленькому ребёнку в таких экстремальных погодных условиях (летом – до плюс пятидесяти, зимой – до минус пятидесяти) были минимальными.

– Твоя люлька была возле печки, а в метре от печки стояла бочка с водой, покрытая корочкой льда... – рассказывала мама.

– И тогда я подал рапорт на дембель, – продолжает папа, благо это совпало с хрущёвским сокращением в высшем офицерском составе. Иначе никуда бы не отпустили! И был бы я вечным лётчиком в нашей тьмутаракани, а мамочка – вечным завхозом аэродромного хозяйства, а ты училась бы с бурятами и китайцами в местном интернате и прилетала бы домой на выходные на моём самолёте, – смеясь, констатирует папка.

Фраза эта западает мне в память и всплывает много-много лет спустя, сегодня, и начинает своё брожение в мозгу, и печатает этот текст на виртуальной клавиатуре моего иврито-английского компьютера.

Фраза эта побуждает меня, отбросив все другие дела, построить виртуальную жизнь, которая могла бы...

1972 год. Помещение паспортного стола одного из московских городских отделений милиции. На полу разложена огромная карта Советского Союза. Мы – это я, начальник паспортного стола и молоденький лейтенантик-милиционер – уже полчаса ползаем по карте, её забайкальской части, в поисках места моего рождения. Паспорт свой я умудрилась потерять на втором курсе Бауманки, а в отделении милиции всё никак не могли определиться с местом, где меня угораздило родиться.

– Как ты говоришь: Укурей? (Хохот.)

– У всех людей как у людей, а у тебя У-ку-рей?

Хохочем уже вместе.

– Какое-нибудь название ещё помнишь? Станция Каганович? Гм, ну это ты, того, оставь... не стоит и искать... А, посёлок Чернышевский? Есть! Вот он, миленький! Только это уже город Чернышевск! Ну, тогда, стало быть, так и запишем: Забайкальский край, город Чернышевск. Всё, готово! Получай новый паспорт!

Я стою перед начальником паспортного стола... босиком. Я – московская хиппи. На мне длинная потрёпанная шинель писателя Сухово-Кобылина, которую я приобрела на распродаже его личных вещей на блошином рынке. Через плечо перекинута его же серая потрёпанная кожаная сумка. Медные пуговицы шинели отчаянно начищены. Но ноги босы: люблю «повыпендриваться» и походить по Москве босиком, вплоть до октября.

Несколько раз меня задерживали на улицах, препровождали в милицейский участок для выяснения личности. Потом проясняли мою благонадёжность: комсомолка, отличница, ну, панкует немножко... Хотя висевшая через плечо гитара, в струнах которой постоянно путались длинные вьющиеся пряди, недвусмысленно говорила о том же.

Итак, построю-ка я здесь свою виртуальную жизнь. Место рождения – посёлок Укурей. У родителей есть два варианта развития событий, на выбор.

Первый – остаться после демобилизации на аэродроме вольнонаёмными и не тащиться с малым дитятей через всю страну две недели на поезде: дико орущей дочкой с хорошими голосовыми данными. («Господи, какие же крепкие нервы у этих родителей! Сколько можно орать? Режут их ребёнка там, что ли?»)

Тащиться, чтобы строить всё заново, неудобно обустраиваться в Москве, Ленинграде, чтобы потом податься на Украину, где в то время разгулялась эпидемия полиомиелита...

Второй – остаться на насиженном месте, растить сына и дочь, хорошо зарабатывая, и в окружении фронтовых друзей.

Положим, родители выбрали бы второй вариант развития событий.

...У нас в посёлке все друг друга знают. Все живут кучно и весело. Праздники справляются за огромным столом – всё в складчину. Соседи-буряты, друзья по службе. Шанежки, пельмени, дичь, рыба. Икра красная и чёрная – ложками. Мама говорила, что икрой проклеивали окна на зиму, чтобы не дуло, потому как икры много, а клея мало.

Школа-интернат у меня очень хороша! (Читала в Интернете, что школы и учителя в этом краю прекрасные, отлично субсидированные! Святое отношение к учительскому труду, хорошие знания учеников позволяют им пробиваться в столичные вузы.)

И в мороз, и в жару я активно занимаюсь спортом: лыжи, санки, коньки, велосипед, плавание. Никакого полиомиелита у меня нет, я хожу прямо и гордо на своих двоих лёгких и стройных ногах – летящей походкой! В силу характера и амбиций учусь в школе на отлично, стремлюсь попасть на учёбу в Москву.

Есть вариант выехать на учёбу в Читу. Но выбираю Москву, потому что выигрываю все местные олимпиады по физике и математике.

Объявляю во всеуслышание на весь лётный городок:

– Я буду поступать в Бауманское училище!

Всё, пути к отступлению отрезаны!

Да и по концертам в консерватории походить охота, музеи увидеть! Люблю музыку самозабвенно, слушаю музыку на пластинках, бренчу потихоньку на стареньком пианино в интернате, пытаюсь заниматься самостоятельно по самоучителю. Собираю марки по искусству, с замиранием сердца рассматриваю шедевры мировых музейных собраний живописи и галерей! Читаю много и взахлёб – готовлю себя к превратностям судьбы.

Перед самым отъездом в Москву для поступления в мечтательное Высшее техническое училище (училище-мечту) имени Баумана, сразу же после получения золотой медали в школе-интернате, мы с папкой решили съездить на Байкал – попрощаться с огромным чудесным морем-озером. Мы стояли на крутом берегу и наглядеться не могли на красоту байкальской

дали! Тогда же я и дала себе обещание, что бы ни произошло в дальнейшем, – вернуться сюда опять:

– А ты пообещай себе, что вернёшься сюда однажды! – говорит папка. – Вернёшься, чтобы повидать Байкал. Я же знаю, что ты умеешь хранить обещание.

И вот я долго-долго еду в Москву в купейном вагоне. Я знаю, что очень не скоро выберусь повидать родителей. Мне очень грустно. До слёз. Но впереди – такая далёкая, такая любимая Москва! Впереди – новая жизнь.

– Пап, мам! Я на каникулах еду с концертами по Белоруссии и Прибалтике! Домой не получится в этом году... Да как всегда – с агитбригадой. Как там вы? Как брат? Были в Чите? А, только собираетесь? Ну, привет там от меня всем!

После получения диплома мне предлагают остаться в Москве, в аспирантуре. (В реальной жизни я оставила Москву...) Учитывая психофизические особенности меня как индивидуума, немудрено предположить, что я с радостью соглашаюсь.

– Что-что, папочка? Я тебя не слышу! Как умерла? Когда? Па-а-апа! Ма-а-амочка!

Маму похоронили без меня, в далёком Забайкалье. (И я не стояла на холодном ветру над могилой, куда опускали мамочкин гроб, и не бросала мокрую украинскую землю в глубокую яму мамочкиной могилы...)

Случилась у меня и большая любовь, и, как бывает у большинства людей, несчастная.

И, как повествуют нам многочисленные телевизионные сериалы, я вдруг поняла, что беременна, и решила рожать ребёнка, полагаясь только на свои силы. (Заметьте: не бросилась с головой в другие отношения, чтобы «забыть», не вышла замуж скоропостижно, чтобы «назло», как в реальной жизни, а мужественно пошла своей дорогой навстречу такой далёкой, но «своей», вымоленной любви...)

– Мамочка! Ребёнок у тебя родился с особенностями. Сейчас его оперируют: огромная гематома в мозгу. Понимаешь, деточка, могут быть последствия... – мой гинеколог, пожилой добрейший дядька, принимавший тяжёлые роды, ласково говорит со мной, поглаживая руку.

Это – приговор.

Пока мой сын-аутист рос и развивался своим особенным, одному Господу ведомым путём, я дала себе обещание-обет: если не смогу развить его способности до такого уровня, чтобы мой ребёнок смог пойти в обычную школу, то грош мне цена – тогда и жить не стоит...

Работая в научно-исследовательских институтах, я вышла на уровень «свободного художника» (это когда работаешь над статьями в толстые научные журналы: написал статью, оформил патент – свободен на определённый период времени). В свободное от статей время я изучала систему развития детей по школе Марии Монтессори.

– Мамочка, вы можете научить вашего ребёнка ходить и говорить, но уж петь, читать, писать – никогда!

Мой ребёнок смог пойти не только в обычную школу, но и в английскую гимназию с конкурсным отбором, и в музыкальную школу, и в художественную студию... Нарботанные навыки я стала применять на других детях, брать учеников, писать книги по педагогике. Экономика страны трещала по швам, начинались девяностые годы...

НИИ оставлен навсегда, я – на вольных хлебах.

– Куда тебя несёт? Какие вольные хлеба: одна, с ребёнком, в Москве... Пропадёшь!

Пропадала я «под фанфары»: запись в школу-студию по дошкольному воспитанию по системе Монтессори проводилась под милицейским контролем: люди ломались в помещение клуба, где проходила запись, тысячами. («Иди, спасай жену! – кричал друг моему мужу на Украине в тот день, когда шла запись в мою школу-студию. – Раздавят! Там толпа напирает – несколько тысяч ломятся на запись!»)

Обещание не выходить замуж, данное себе когда-то давно, после смерча несчастной любви, пронёсшегося надо мной в молодости, давало свои плоды: я была свободна, деятельна,

успешна. Бизнес процветал, хорошие деньги зарабатывались репетиторством. Дом, машина, положение в обществе. Папа умер, оставив мне небольшое наследство (В реальной жизни родители мои золотые были хлебосолами-бессребрениками, иногда не имевшими ни гроша за душой...)

– Послушай, английский у меня неплохой, у сына – тоже. А если мне попробовать в Америку? Ну, будет трудно поначалу: посудомойкой там, попы подтирать... Но я же всё-таки – научный сотрудник! Прорвусь! Как это всё делается? – Я сижу в кабинете моей подруги, связанной по роду своей деятельности с загранпаспортами и визами.

– Я слышала, это стоит больших денег...

– Давай документы! Будут тебе визы. Сделаю для тебя, чего бы мне это ни стоило!

А стоило это моей подруге свидания с одним мерзопакостным чиновником паспортного стола, который давно добивался её и только и ждал удобного случая... (Всё правда, так и было в реальности – изменены только города и страны.)

В Америке поначалу было беспросветно трудно: посудомойка, курсы английского, первые работы по специальности, плохие квартиры – и вот наконец успех и чудо! Я принята в лабораторию НАСА!

Лаборатория располагается в Коста-Рике, почти что в джунглях. Живу я в аккуратненьком бунгало на берегу Тихого океана. Работа моя – в часе езды по хорошей дороге в северной части страны. Во дворе – конюшня для нескольких чудесных коста-риканских лошадок...

Я на связи с братом по скайпу. Скайп барахлит: провайдер Интернета в Чите – не бог весть что.

– Да, я прилетаю! Рейс из Амстердама. Номер рейса и время прибытия – электронкой! Я прилетаю одна. У сына свои дела, да и Байкал ни о чём ему не говорит... А мне нужно! Я же обещала: и Байкалу, и папе...

...Закрываю скайп и виртуальную русскую клавиатуру. Договорилась с братом вылететь на Байкал из Амстердама. Он прилетит в Амстердам с Украины, я – из Израиля. И он, и я чувствуем, что нам необходимо побывать на Байкале и в Забайкалье – У-ку-рее!

У кого покруче ствол *Ненаучная фантастика*

Дед любит рассказывать мне о своей молодости. А что ещё делать длинными тёмными вечерами при свете самодельной свечи? Когда спальный район нашего пригорода погружается в темень, а сторожевые башни обнесённого колючей проволокой промышленного центра освещаются единственной в городе автономной электростанцией, самое время предаться воспоминаниям о весёлом прошлом деда.

Я не всегда понимаю, о чём он говорит.

– Дед, расскажи мне ещё раз, что такое Всемирная сеть. Это что, такая сеть, которая висит в нашем сарае, но по которой течёт ток, как на башнях охранников? И почему она всемирная – она покрывает все посёлки и деревни?

Дед задумчиво смотрит на меня и тихо говорит:

– Мне сложно объяснить тебе это, внучок. Твоё поколение не знает, что такое электричество в доме, не то что Всемирная сеть.

Он тяжело вздыхает и бредёт на улицу, осматривать, целы ли амбарные замки на сарае, где хранится «наше всё».

«Наше всё» – это аккуратно расставленные и тщательно смазанные оружейной смазкой стволы, висящие на стене нашего сарая, и стенд с пистолетами и револьверами. Мы считаемся зажиточной семьёй, у нас много оружия.

Ради этих самых стволов родители мои вкалывают день и ночь за колючей проволокой.

Дед говорил, что, когда в домах было электричество, жизнь была совсем другой. В домах посёлка горел свет, работали какие-то умные машины: стирали, собирали пыль, готовили.

Мне трудно поверить, что правительство могло разрешить такую бездумную трату энергии. И откуда же тогда брать эту самую энергию, если вся она должна идти на вооружение?

– Когда я был молодым, – дед вернулся с обхода, – наша страна вооружалась против других стран, чтобы быть готовой к любой военной провокации. Было много оружия: наземного, подземного, надводного и подводного. Большая часть финансов государства уходила на это.

Я не совсем понимал, что такое государственные финансы и финансы вообще.

– А что такое финансы?

– Ну как тебе объяснить? Финансы – это денежные запасы, которыми можно покрывать затраты производства, платить зарплаты. Ах, боже ж ты мой, ты же не знаешь, что такое зарплаты! – Дед плюнул с досадой на грязный пол нашего жилища.

Дед был неправ: про финансы, деньги и зарплаты я читал в одной из немногих книг, сохранившихся на нашем чердаке со времён молодости деда. По этим книгам я и учился читать. Немногие в наше время умеют читать.

Зато считать стволы умеют все.

– У нас триста двадцать стволов! – гордо кричит пацан с нашей улицы, когда ребятня выбегает на улицу в летний день.

– Ствол стволу рознь, – солидно заявляет крепыш, сын мастера оружейного завода. – У нас дома есть пушка с ручным управлением: отцу выдали за многолетнюю безупречную службу.

Все смущённо замолкают. Пушки у нас нет. Мои родители вкалывают день и ночь, но в конце месяца приносят в дом только по одной единице огнестрельного оружия и немного съестного, что им выдают за колючей проволокой: крупу, макароны, сгущёнку. Это всё из бессрочных военных запасов, которые были «расконсервированы» пару лет назад.

Ещё у нас есть небольшой огород, где мы с дедом выращиваем картошку и лук. Вот эти съестные запасы да оружейный сарай – это и есть «наше всё». А как же иначе? Все так живут.

– Когда страна вооружилась до зубов, – продолжает свой рассказ дед, – она стала вооружать другие дружественные ей страны.

– Как это – дружественные? – Я рад, что поймал деда на несурянице. – Ты же сам говорил: нет никаких дружественных стран! Все воюют со всеми. Это закон жизни.

– Ох и умный же ты у меня! – Дед ласково гладит меня по голове грязной, заскорузлой рукой с обломанными ногтями. – Ну да, ну да, просто мы стали продавать своё оружие по всему миру. Мир стал похож на пороховой склад: чиркни спичку – и он взорвётся! Армии многих стран были вооружены до зубов нашим оружием и своим – тоже. В подземных бункерах хранилось его несметное множество! Это называлось тогда «гонкой вооружений».

– Это ты мне уже рассказывал. – Я с досадой дёрнул плечом. – Ты каждый раз приходишь только до «гонки вооружений». А про свою жизнь в доме с электричеством и бежавшей из кранов горячей водой никогда не рассказываешь.

– Это потому, что ты не поймёшь. – Он вздыхает и ложится на топчан лицом к стене.

Я иду на крыльцо, посчитать звёзды и помечтать о том времени, когда электричеством освещались дома и улицы, как говорил дед.

Утро следующего дня выдалось весёлым и солнечным. Я вышел на улицу поиграть с соседскими ребятами в мяч. Невесёлые, покосившиеся домишки скрывались за пышной зеленью полудиких садов.

– Дашь поиграть? – Из-за забора на меня смотрели с опаской глаза соседа-сверстника.

Родители и дед говорили мне часто, что лучше мне сидеть дома. А то мало ли что...

Однажды мой мяч, кое-как собранный моим дедом из тряпок и обрезков кожи, тяжёлый, неповоротливый, грязный, серьёзно повредил губу этого самого соседского мальчишки. Из губы хлынула кровь. А в конце недели родители пацана, вернувшись на выходные домой, открыли стрельбу по нашему дому. Они не жалели патронов и палили куда ни попадя, выкрикивая:

– Попридержи своего ублюдка, ты, «осколок Интернета»!

Другие соседи утихомирили их, потому что был праздник и никому не хотелось лишней пальбы и ранений. Сегодня тоже был праздник – День личного оружия. Это самый большой праздник в году.

Как говорили лекторы в воскресной школе, жизнь страны круто изменилась с того дня, когда был принят закон о личном оружии. Отныне никто никому не указ. Защищай свои права, живи во благо государства и завода, производи оружие! Рынок сбыта неограничен. Деньги не нужны. Машины и оборудование – только для заводов, все – на оружейные заводы. Выход из тупиковой экономической ситуации найден раз и навсегда! Хороший закон.

У деда моего в посёлке есть прозвище: «осколок Интернета». Прицепилось к нему прочно, навсегда. Никто уже и не помнит, почему, никто уже не знает, что такое Интернет. А дед знает, потому что живёт долго, дольше других.

Ещё он помнит телевизоры и стиральные машины. Ещё он говорит, что у него в молодости были «колёса». Как у директора нашего оружейного завода. Я, конечно, не верю: откуда у него могли быть «колёса», если он не изобретатель нового ствола или улучшенной пули?

Много странного доводится мне слышать в нашем доме. А всё потому, что дед старый, так долго у нас не живут, и у него уже ум за разум заходит.

– А знаешь, есть и другие страны на земле, у которых полезные ископаемые ещё долго не закончатся. И закон у них такой же есть. И друг в друга там не пуляют при каждом удобном случае.

– Вот придумал! А как же тогда узнать, у кого круче ствол, если не отстреливать случайных прохожих в большой праздник? Вот чудило!

В праздники родители вернулись домой с завода хмурыми и неразговорчивыми. В этот раз им выдали за работу какие-то револьверы, уже бывшие в употреблении, и не раз. Это было видно по перебитым номерам и очень грязным стволам, которыми дед будет заниматься теперь целые дни, пока всё это не приобретёт божий вид.

Ещё они принесли кое-что из съестного: несколько герметичных банок с манной крупой. Видимо, разгерметизировали очередные полувековые военные склады.

Я часто думал, что будет, когда откроются последние склады, чтобы прокормить население. И даже спросил об этом деда:

– А что мы будем есть, когда закончатся запасы страны?

Дед тогда посмотрел на меня долгим взглядом и сказал:

– Советую тебе об этом не думать, а ещё лучше – помалкивать. Знаешь, что делают с теми, кто задаёт такие вопросы? Лучше тебе не знать.

А потом криво ухмыльнулся:

– Это всё подрывает демократию в нашей стране.

Итак, шесть банок манки будут составлять рацион нашей семьи до следующих выходных.

– Другим выдали тушёнку, а мы до сих пор в штрафниках из-за твоей драки с сыном соседа. Соседу-то хорошо: в профсоюзе своих не обижают. – Отец зло глянул в сторону забора, разделяющего наши участки.

Мать тут же всплеснула руками:

– Что ты опять замыслил? И не думай даже! А то не пушу к бочке!

Бочкой называли передвижную цистерну со спиртным, которая кружила по разбитым дорогам посёлка в праздничные дни. Мужчины выходили из домиков и чинно направлялись отметить праздник. Некоторые из женщин – тоже.

Моя мама никогда не выходила к бочке: кому-то же надо было следить, чтобы мужчины нашей семьи не ввязались в какую-нибудь пьяную драку и не полезли в сарай за оружием.

Как правило, пока выпивалось содержимое бочки, в посёлке тут и там слышались пальба и пьяная ругань.

Потом бочка уезжала, и вот тут-то и наступала кульминация праздника: не востребовавший адреналин мужского населения побуждал его выскакать во дворы и устраивать пальбу в небо, в сторону соседских палисадников, бродячих собак и кошек и даже нищих, в огромном числе бродивших по улицам в поисках скудной подачки.

В этот раз всё вроде бы обошлось.

Под вечер мама вышла на крыльцо и уселась рядом с подвыпившим отцом. Дед, приняв свою порцию «праздника» на грудь, мирно посапывал тут же, в саду, в старом гамаке, которому было уже сто лет в обед, но который он исправно чинил и вешал в закутке за выступающей стеной, чтобы вздремнуть здесь в относительной безопасности летним вечером.

Называлось это «вздремнуть на свежем воздухе». Хотя, по-моему, свежим назвать его было трудно. Посёлок весь был окутан жирным смогом от плавильного завода, что расположился неподалёку.

– Вот и я говорю, – шептал отец матери на крыльце, – нечего нам жаловаться: хорошо живём. Дед наш сарай сторожит, сына учит читать книжки, которые на чердаке остались. Вырастет – в мастера выбьется, не то что я. Я, когда малым был, только-только закон приняли. Что тогда началось! Стрельба, пальба!

Стреляли все во всех, сводили счёты, вымещали на других всё зло, всю досаду, что накопилась от злыдней, вечного недовольства. Не до учёбы тогда было. Школы закрыли в страхе от террористов, которые получили свободу убивать.

– Я тоже, – тихо сказала мама, – попала в такую перестрелку. Кто-то в маске взял в заложники группу школьников и грозился убить всех, если ему не отгрузят все ружья из кабинета военной подготовки. Хитрый какой: хотел обогатиться сразу, одним махом! Мы вот для

своих огнестрельных единиц всю жизнь горбатимся! – Она ласково провела по волосам мужа. – Могла погибнуть тогда, да снайпер – один из полицейских – «снял» тогда этого урода с крыши соседнего дома.

– Да, – задумчиво протянул отец, – в те времена ещё была полиция.

Они замолчали надолго. Я слышал о полиции не раз и от своего деда. Дед рассказывал мне, что так называли людей, которые имели оружие, чтобы следить за порядком в обществе и охранять граждан от разбоя. Наивные! Как же можно охранять других, рискуя собой? И, потом, каждый должен иметь оружие, чтобы охранять себя и свою семью. Тупость какая-то, а не полиция! Вообще всё, что касалось периода времени до закона, казалось мне несусветной глупостью!

Тишину позднего вечера разорвал женский крик. В окне дома соседа в тусклом свете свечи в окне можно было различить мечущиеся фигуры и звуки громкой ругани. В том доме не было любви, как у моих родителей.

Сосед по праздникам часто воспитывал и гонял своих домашних за малейшую провинность. Он считал, что все виноваты перед ним. Когда мы шептались с соседским мальчишкой через дырку в заборе, тот рассказывал мне, что отец придирчив и несправедлив к своим домашним. И все-то хотят ему зла, и все-то завидуют его огромному складу оружия, и все хотят испортить его карьеру мастера на заводе.

Особенно он не жаловал нас, своих ближайших соседей. За то, что у нас была дружная семья, а особенно за то, что у нас был свой сторож – дед. Он был просто сокровищем в глазах окружающих! Охранял семейный скарб, мог по возрасту уже не работать, был спокойным, бесконфликтным и относительно непьющим. И правда клад, а не дед!

У других таких пожилых родственников уже давно не осталось в живых: были застрелены шальной пулей или убиты в пьяной драке.

Жена соседа ещё раз взвизгнула, как от сильной боли, и выскочила на улицу в одной рубашке. Мы видели, как она заметалась по двору, белея в темноте рубашкой. Сразу же за криком жены взвизгнул сын. Я не очень любил соседского пацана. Он был запуганным и робким в семье, но наглым и напористым – на улице, с другими детьми.

– Спасите! – закричала женщина. – Он пошёл за своим охотничьим ружьём!

Охотничьи ружья представляли собой большую ценность. Нарядные, с резным прикладом, они считались главной гордостью семьи. Животных в лесах уже давно не осталось, всех отстрелили. Я помню, как убили последнего зайца в нашей лесополосе, рядом с северной оградой завода. Убил тот же сосед из ружья, за которым он и нырнул сейчас в темень своего сарая.

Вскоре он выскочил наружу и принялся носиться за женой по двору. Она металась и прыгала из стороны в сторону, в точности как тот белый заяц, наверное, но ничто не могло помочь ей уйти от пули обезумевшего мужа на этот раз.

Мы услышали выстрел и сразу же, следом за ним, – другой. Женщина повалилась на землю.

– Мама, мамочка-а-а! – крик соседского мальчишки оборвался сразу же за третьим выстрелом.

– Ну, чего уставились? – раздалось совсем рядом с нами.

Сосед, всклокоченный, разъярённый, с ружьём наготове, стоял в калитке нашего палисадника.

– Радуетесь небось, милуетесь?

Мама вскочила, чтобы заслонить собой меня, так как я оказался ближе всех к соседу. Дед давно проснулся и стоял в тени стены с оружием наготове.

В тот момент, когда сосед вскинул ружьё, чтобы выстрелить в отца, который стоял перед ним безоружным, тоненько пропела пуля нашего ружья и впиалась соседу в руку. Правую. Долго

он не сможет теперь стрелять. Сосед вскрикнул от боли и присел на мощённую мелким гравием дорожку.

А дед тоже опустился на землю от пережитого волнения, заплакал, обхватив голову руками:

– Дураки-и-и! Ой какие же вы дураки-и-и! – приговаривал он и тихо всхлипывал.

Сосед похоронил жену с сыном и теперь был тише воды, ниже травы. Казалось, будто что-то в нём сломалось, какая-то пружина.

Люди в посёлке его сторонились, но не осуждали: чужая семья – потёмки.

Родители мои с опаской поглядывали через дырявый забор на соседский двор, который с каждым днём приходил во всё большее запустение.

Теперь уже не видно было вечерами, как тоненькая лучинка в окне освещает грязную кухню, лишённую женской заботы. Окно закрывали заросли поднявшейся в человеческий рост сорной травы.

А соседу всё это было на руку. Он задумал что-то недоброе. Всю неделю он работал, а когда приходил домой на выходные, всё время что-то мастерил в своём оружейном сарае. Мы слышали визг напильника, чуяли запахи какого-то технического варева.

Дед день ото дня становился всё мрачнее:

– Не к добру это, ох не к добру! – часто вздыхал он. – Бомбу он мастерит, я думаю. Они, мастера, курсы проходят по взрывчатым веществам, строение бомбы изучают.

– Как это – бомбу? – ахнул я.

Про бомбы я слышал и читал в старых газетах на чердаке. Какое-то время назад, может быть, лет сто, взорвали бомбу, которая называлась атомной, где-то далеко, в другой стране, не помню, как называлась.

Тогда ещё не знали, какие последствия будет иметь этот взрыв. А когда увидели, что люди превращаются в пар вблизи эпицентра взрыва или умирают от каких-то странных болезней те, кто оказался подальше, – ужаснулись и запретили такие бомбы пускать в ход.

Их стали называть «оружием массового поражения». Не то чтобы такие бомбы прекратили своё существование. Где-то они есть, говорят, в каких-то глубоких подземных бункерах их хранят. Производство таких игрушек требует огромных энергозатрат, которых на земле уже нет.

Да и не моего ума это дело, как говорит дед. Всё-таки здорово, что я живу в своей стране, где есть закон и нет никаких атомных бомб! Но бомба, которую мастерил сосед, тревожила и меня.

– Взлетим мы с тобой в один прекрасный день с этим идиотом вместе! – ворчал дед, с опаской поглядывая в сторону соседского сарая.

Дни шли за днями, похожие друг на друга: настороженные и тревожные. Сосед перестал выходить из дома, взял на работе отпуск и вот уже две недели возился в своём сарае. Он не брился, нестриженные волосы слипшимися прядями падали ему на лоб. Даже на расстоянии было видно, что он не в себе: бурчит что-то себе под нос, скалится, хохочет.

– Совсем поехал головой после убийства жены и сына, – вздыхал дед. – Ох не миновать беды...

Иногда сосед «выгуливал» своё оружие: выставлял наружу винтовки, ружьё, револьверы всех мастей, заработанные на заводе за долгие годы работы мастером в оружейном цеху. Он любовно поглаживал свои сокровища, протирал их промасленной тряпицей, прищурившись, смотрел на блики от солнечных лучей, что гуляли по гладким стволам. Это была его искренняя любовь, его истинное сокровище.

Мы тоже любили «своё всё», но не так истоиво. Коллекция нашей семьи давала нам определённый статус.

Отец любил брать в руки кольт времён давней войны, который дед довёл до идеального состояния. Маме нравился элегантный женский револьвер, который бабушка подарила ей на восемнадцатилетие.

Даже у меня уже были свои любимые огнестрельные единицы: детские газовые «пугачи», переделанные дедом в настоящие «огнестрелы». Однажды, когда мы сидели с дедом на крыльце и в очередной раз прислушивались к визгу напильника и принюхивались к вонючей гадости, которую варил сосед-экспериментатор, дед посмотрел мне в глаза и сказал тихо, но внятно:

– Знаешь, кого мы сейчас напоминаем?

– Кого?

– Кроликов, которые сами идут в пасть к удаву. Стадом, вместе, не сопротивляясь, покорно.

– А что ты предлагаешь? – с остановившимся дыханием тихо прошептал я.

– Я слышал, что завтра он собирается на завод за консервами, которые ему выделили как отпускнику. Сможешь пролезть в его сарай? Я подпилю доску: я помню, там была одна подгнившая, недалеко от ограды.

– Ну а что я должен сделать внутри?

– Понимаешь, внучок, я слышал вчера, как он бурчал себе под нос, что взрывчатая смесь готова, корпус бомбы он тоже уже заканчивает. Завтра он планирует взять на заводе всякие мелкие детали, чтобы наполнить содержимое по типу осколочных взрывных устройств. Сработает самодельный детонатор, воспламенит взрывчатую смесь – и взлетим мы вместе с ним и ещё с несколькими соседскими домами к чёртовой матери!

Мне стало страшно.

– А что же мы можем сделать? – У меня от страха пересохло в горле.

– Я мальчишкой тоже когда-то баловался всякими этими глупостями. Читал много в Интернете.

Знакомое слово «Интернет» вернуло меня в равновесие.

– Так вот, там один шпион в книжке, которую я читал онлайн, сыпанул во взрывчатку готовой бомбы манную крупу. И бомба не взорвалась!

Я не знал, что такое онлайн, я не знал, как читают в Интернете, но манка у нас была. И я готов был рискнуть жизнью, только бы этот чёртов убийца из соседнего дома не взорвал и нас.

– Давай манку! – сказал я. – Положим в ямку у забора, и я завтра сыпану её в дьявольское варево. Он ничего и не почувствует.

Ночью мы с дедом не сомкнули глаз, всё ждали, когда же наконец наступит утро. Утром сосед выполз к умывальнику, приводя себя в порядок: всё-таки отправлялся на службу. Побрился перед осколком зеркала, надел кое-что из чистой одежды, которая ещё оставалась. После того как он убил жену и сына, он ничего из одежды не стирал.

Скрипнула калитка. Дед взял ручную пилу и направился к забору. Подпилил сначала доску в заборе. Это было несложно: забор трухлявый, тгни – рассыплется.

Мы с трудом пролезли через образовавшуюся дыру. То есть я пролез без труда, а дед чуть не застрял между досками. Сарай соседа был добротным, новым, по принципу: «мой сарай – моя крепость».

Пилить ту самую доску, которую наметил дед, было сложно. Она оказалась не подгнившей, а, наоборот, со срезами чёрных сучьев, крепкая как железо.

Но отступать было некуда. Дед пилил и пилил, и доска поддалась. Осторожно отодвинув её, я нырнул в глубину сарая. От резкой вонючей варёвки меня чуть не стошнило. Варёвка стояла на спиртовке, сейчас погашенной, в котелке солдатского образца. Он был прикрыт не подходящей по размеру крышкой.

– Сыпани со стаканом, – прошипел дед в образовавшуюся щель. – В книге это сработало.

Я сыпанул манку в этот «змеиный супчик». Накрыл всё крышкой и выполз наружу.

– Ну, с богом! – сказал дед, когда мы вернулись к себе. – Посмотрим, у кого ствол круче на этот раз! – и мы рассмеялись.

Взрыв страшной силы прогремел в посёлке той ночью. Люди выскочили из стареньких домишек в том, в чём спали, и стояли в дверях, на крылечках, в огородах испуганные, онемевшие.

Вместо дома соседа и его склада оружия зияла огромная дымящаяся яма.

В нашем доме, самом близком к эпицентру взрыва, вылетели стёкла и треснула стена. Но на нас не было ни царапины!

– В той книге, – сказал дед, – взрыв мог быть тоже намного сильнее, а так – манка спасла героя!

Мы с дедом стояли, обнявшись, и слёзы радости стекали у нас по закопчённым лицам.

После Билла Гейтса

Он любил думать о временах Билла Гейтса. Как же просто и ясно было тогда! Цифровые технологии были в зародыше. Никто не думал об истинной стоимости добра, не собирал его на чипы накопления, не проклинал админов, не менял домены. Ах какие были времена!

В термосифоне, который достался ему от деда, заваривался травяной чай. Он любил этот старинный способ заварки. И чай, этот особенный чай из тех мест, которые когда-то назывались Болгарией, выращенный под открытым небом и охраняемый не преодолимым ни для одного любителя приключений и ролевых игр магнитным полем, на высоте тысячи метров над нулевым пластом энергии, вызывал в нём ощущение щекотного удовольствия от повышения гормонального фона. Но это чувство ни к чему не обязывало, а просто дарило приятное ощущение тепла и наполненности жизнью.

– Альф, ты уже с нами? – Перед глазами возникло лицо Тава, самого созвучного ему индивидуума.

Тав знал о способности Алефа улетать мыслями далеко вглубь прошлых энергий.

Тав слыл в глазах Альфа, или Алефа – таким был его полный шифр – персоной чересчур открытой и чересчур настроенной тратить себя невесть на что. Но за это он и любил его. Вернее, не раздражался, когда Тав вспоминал о нём и звал пообщаться. А это когда-то и называлось любовью. И вот ещё что: он мысленно разговаривал с ним, когда Тав был недоступен.

– Наскрёб что-нибудь?

– Нет. А ты опять шатался по паркам и искал обиженных старух и голодных кошек?

– Как сложно стало в современном мире наскрести кварки! То ли дело во времена Билла Гейтса! – Он опять был всеми мыслями в прошлом. – Зарабатывай себе на счёт сколько хочешь: корми голодных, убирай мусор, помогай больным. А тем временем твои счета на доменах раздуваются от накоплений. Вот были времена!

А теперь больные на вес золота! Так когда-то называли эквивалент материального благосостояния. Как только у кого-то не срабатывает баланс физического тела, к нему тут же устремляется с десятков доброхотов с медицинскими лазерами всех видов в надежде заработать несколько кварков на свой счёт.

А кошки – так те вообще превратились в особую касту потребителей. Ему однажды пришло в голову отодвинуть ногой одну из представительниц этих организмов – слишком уж она о себе возомнила: вообразила, что он обязан её касаться и обмениваться добром. Так тут такое началось! Он чуть не потерял свои недельные кварки.

– Я тоже помню этот случай! – подхватил его мысли Тав. – Ну и влип же ты тогда! Хуже было только мне, когда я слегка отодвинул одного из японцев, круглосуточно дежуривших в приморском парке в ожидании экскрементов от какой-нибудь дикой случайной чайки.

Эти ненасытные японцы уже захватили всё физическое пространство земного мира в поисках мусора. Так они сколачивают себе приличные состояния. А филиппинцы хорошо поднялись на стариках. Ухаживай себе за своей курочкой, несущей золотые яйца, и в ус не дуй, как заработать несколько микронов хороших энергий!

– Я тоже опоздал родиться! – хохотнул Тав в ответ на мысли Альфа. – Мне бы хоть глазком одним глянуть на войнушку! Какие возможности, какое роскошество для предприимчивого человека! Пополнять здоровье пострадавших, тоннами собирать шлаки, гасить конфликты! За год я бы стал недосыгаем, как когда-то биткоинщики.

– Сходишь со мной сегодня к админу? Прогуляемся. Мысленно общаться с ним я не могу: запаролен, недоступен, зараза!

Он знал, что, ругнувшись, потерял несколько кварков, но отказать себе в удовольствии не смог. За удовольствие надо платить.

– Вау, – обрадовался Тав, – спасибо за предложение! Ты всегда меня выручал. Знаешь, сколько ты мне сейчас отвалил?

– Отстань, знаю, сочтёмся. Я просто хочу уйти на другой домен, а без визита не получается. Каждый раз, как с ним общаюсь, я злюсь. И вся заработанная сумма с меня слетает, как вроде бы я сидел весь месяц, не помогал людям и не пытался резонировать. Ну что, есть у тебя кто-то приличный на примете?

– Мой админ – хороший парень. Я его практически не ощущаю. В прошлом месяце я с его помощью нарастил толщину слоя в накопителе на пару миллиметров. – Давай к нам, на мой домен!

Встретившись у водопада, у городского каньона, друзья ещё какое-то время посидели на лавочке, любуясь видами и заряжаясь добрыми мыслями, и двинулись в контору, где располагался домен Альфа.

Двери накопительного сейфа им открыла хорошенькая операторша. В другое время Альф стал бы глядеть в её глаза долгим обволакивающим взглядом, если бы она не отводила своих, разумеется. Он был тот ещё самец! Но сейчас все мысли неудачливого и легко раздражающегося копителя были о пошатнувшемся положении его счетов. И девушки в поле его зрения не входили.

Его админ сидел в кабинете.

Грузный, неспортивный любитель животных жиров и сладкого. «Конечно, с такой зарплатой можно себе позволить поехать на неделю-другую в оставшиеся наперечёт джунгли и потратить там заработанные на шкуре таких простаков, как я, кварки», – подумал Альф.

Альф почти физически почувствовал, как несколько кварков перекочевали на счёт админа за то раздражение, которое Альф испытывал к нему.

– Да, мой друг – не ангел, – сказал админу Тав. – Но я вот уже много лет нахожусь рядом и готов поручиться, что он старается. Ищет, копит, думает о положительном. Просто не у всех это хорошо получается. И это не повод так много на нём зарабатывать. Мы хотим поменять домен и админа. Я выступлю его поручителем, если уж мне отведена роль ангела-хранителя для моего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.